

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

**Блуждай меня, сын мой, и учись знанию,
и внимай сердцем твоим словам моим.
Я показываю тебе учение обдуманное,
и передаю знание точное.**

Книга премудрости Иисуса сына Сирахова
16:24

Если Я сказал худо, покажи, что худо.

Евангелие от Иоанна
18:23

Человек, ищущий смысла жизни, рано или поздно приходит к осознанию того, что предмет его поисков находится лишь в духовной сфере, к осознанию того, что тем, что мы привыкли именовать миром, или по-гречески космосом, правит Нечто Высшее, кажущееся недостижимым человеческому пониманию, Нечто организующее и единящее все сущее, некий Высший Закон. Сие Нечто может определяться одними как Всемирный Разум, другими как Дух, третьими как Бог, четвертыми как-либо еще. Иные же, догадываясь обо всем величии того, что скрывается за этим понятием, о невозможности описать его, вообще предпочитают не распространяться на эту тему.

К сожалению, многие люди довольствуются лишь смутным представлением о наличии в мире чего-то Высшего, не пытаясь проникнуть в суть Его Закона. В определенном смысле такое миропонимание довольно удобно с той точки зрения, что простое, примитивное предположение существования мирового Начала не ставит перед человеком никаких требований и ни к чему его не обязывает, хотя, с другой стороны, и не открывает пред ним никаких тайн и не дает никаких даров. Однако люди и с *таким* примитивным мировоззрением¹ также должны будут некогда дать отчет о своей жизни пред лицом Высшего Закона, Высшей Силы. Беда их в том, что и там действует принцип: незнание закона не освобождает от ответственности. Но даже если бы это было и не так, таковой подход ни в коей мере не может дать ответа на вопрос о смысле и целях существования человека на земле.

Тот же, кто истинно обеспокоен смыслом жизни, своим местом в ней, своими задачами и ответственностью своей за их выполнение, с неизбежностью приходит к понятию (но пока еще не к пониманию) Бога, приходит к поиску ответов на свои вопросы в религии (но пока

¹ На самом деле существуют целых три примитивизации. Многие люди считают, что в Бога верить вовсе не требуется, но достаточно просто быть «хорошим человеком» или «жить в согласии с самим собой». Другой распространенный взгляд состоит в том, что главное для человека — верить в Бога, при этом совершенно не важно, *как* человек верит в Бога, не важно даже в *какого* бога, ибо все религии хороши, так как побуждают человека быть «хорошим». Наконец, третье воззрение полагает, что ни «хорошим человеком» быть не обязательно, ни в Бога с особым усердием верить не нужно, но достаточно принадлежать к церкви и служить Богу в рамках ее обрядов и обычаев. Сии три подхода в принципе исключают друг друга. Однако, как ни странно, очень часто они причудливо переплетаются в представлениях людей. (Здесь и далее — примечания автора.)

еще не в вере, ибо религия и вера суть опять-таки разные понятия). Но к какой религии обратиться ищущему? Где искать разрешения своих не терпящих отлагательства проблем? Ведь мир накопил весьма пестрое собрание религий и учений. Заключена ли разгадка в Бхагавадгите или в Тибетской книге Мертвых, Авесте или Герметических учениях? А может быть, лучшее, к чему можно обратиться, — это «Учение живой этики» или разного рода послания внеземных цивилизаций? К сожалению ли, к счастью ли, но на эти вопросы нельзя дать ответа, а если кто-то и попытается высказать свое мнение, то он никак не сможет обосновать его, ничем не сможет доказать свою правоту.

С точки зрения чистого разума не сможем обосновать свой выбор и мы, хотя в качестве источника ответов на наши вопросы мы избрали книгу, почитаемую таковым источником большинством человечества. И обращение наше к Библии обусловлено вовсе не результатами вселенского голосования, но неким неизъяснимым зовом внутри.

Мы не случайно подменили понятия, начав с обращения к религии, а закончив лишь частью того, что составляет религию — Священным Писанием христианства. Дело в том, что и христианство как религия не может дать ответов на все вопросы. К примеру, христианство не в состоянии объяснить назначение *зла* в мире, созданном очевидно *благим* Богом...

Однако если на какие-то вопросы христианство не может дать ответа, это не означает несправедливости его начал, не означает несправедливости Священного Писания, по причине чего христианство надо сменить на другую религию. При отсутствии удовлетворительного ответа очевидно, виноват не Бог, христианством исповедуемый, не само христианство, но виноваты его толкователи. Потому-то мы и предлагаем обратиться не к традициям христианства, а непосредственно к Библии.

2

Отмечая, что наши взгляды никак не могут быть застывшей догмой, будем в начале нашего повествования считать, что в истоках любой религии лежит явление Пророка и Учителя, который стремится изложить суть Всеобщего Закона, Откровения, в ясных для людей (или кажущихся им таковыми) понятиях и на приспособленном для уровня развития их *сознания* языке. Подчеркнем отдельно, что мы, во-первых, не имеем в виду всех людей, и, во-вторых, что речь идет не об уровне развития разума или интеллекта, с которыми слишком часто путают сознание даже основоположники некоторых философских школ. Мы говорим о собственно сознании.

Иллюстрацией такого взгляда может служить и история развития христианства вкупе с его иудаистскими корнями. Ведь само явление Иисуса было точно обусловлено Его временем — Иисус пришел не к Адаму после его изгнания из Едема, дабы тотчас же спасти того, не дожидаясь умножения на земле греха, единственным способом борьбы с которым на известных этапах библейской истории оказывались всемирный потоп времен Ноя или дождь горящей серы, ниспосланный Всевышним на Содом и Гоморру. Он не пришел ни к Аврааму, ни к Моисею, ни к Илие — в свое время были посланы они сами. Точно так же и Иисус был послан в свое время — не ранее того, но и не позднее.

Древнему человеку было бесполезно говорить о смирении и любви — ему Моисей «по жестокосердию» его (Мф 19:8) дал иной закон. Но ведь то жестокосердие и есть не что иное, как низший уровень сознания. Однако Учитель формулирует учение, рассчитывая и на грядущие поколения, в том числе на поколения с более высоким уровнем сознания, развивающегося постепенно. В связи с этим учение излагается на особом языке, подробный разговор о чем нам еще предстоит.

Вернемся пока к Учителю живому, преподающему закон своим современникам. Те вникают по мере своих слабых сил в суть его и задают все больше и больше вопросов Учителю, особенно в случаях возникновения кажущихся противоречий, как внутренних, так и внешних противоречий с предшествующими учениями. Так люди познают мудрость все глубже и шире, имея каждый раз возможность обратиться к Учителю.

Однако Учитель не может пребывать со своими учениками вечно. Приходит время, и Он возвращается туда, откуда был послан к людям. Но у людей, оставленных на земле, осваивающих учение все дальше, возникают новые и новые вопросы, разрешить которые уже не может никто, кроме них самих. Стоит ли удивляться, что не все из находимых ими ответов соответствуют Истине.

3

«Нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод; и нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый, ибо всякое дерево познается по плоду своему, потому что не собирают смокв с терновника и не снимают винограда с кустарника» — так учил Иисус (Лк 6:43–44; Мф 12:33). Какова, пользуясь этим критерием, оценка плода современного христианства, дерево которого насчитывает без малого две тысячи годовых колец? Кто сосчитал миллионы невинно убиенных во имя Господне? Почему нельзя упрекнуть известного писателя за такое замечание: «Распинать на кресте — дело не христианское. Другое дело — сжечь живьем или посадить на кол» (В. Н. Войнович. Москва 2042)? Почему стало афоризмом замечание Томаса Линэкера (ок. 1460–1524), отпущенное им под конец жизни при чтении Евангелия в первый раз: «Либо это — не Евангелие, либо мы — не христиане»? Почему результатом явились не вера с надеждой и любовью, а ненависть с развращенностью и отчаянием на всех этажах общества? Только ли из-за того, что «много званых, но мало избранных» (Мф 22:14)? Только ли «потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими» (Мф 7:13)? Или, быть может, некое отношение к столь печальному плоду имеет и Иисусов вопрос: «Может ли слепой водить слепого? не оба ли упадут в яму?» (Лк 6:39; Мф 15:14)? Ответ на эти вопросы является одной из целей нашей книги.

Кто-то скажет, что подобное развитие событий было неизбежным. Не возражая против положения о предопределенности подобного рода, мы все же должны отдать себе отчет, что любые ошибки суть повод для изучения причин, к ним приведшим, с тем, чтобы избежать их в дальнейшем, приближаясь, благодаря этому, к Истине хотя бы на йоту.

Наверное, не стоило уже в самом начале нашего повествования обрушивать на читателя столь категоричную постановку вопроса о плоде современного христианства. Однако коль скоро в церквах двух воюющих друг с другом христианских или считающих себя христианскими государств проходят богослужения и молебны за победу своего оружия, то приходится признать, что с их христианствами что-то не в порядке. Или, может быть, кто-то сможет привести примеры того, как церкви следуют заповеди Иисуса Христа: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф 5:44; Лк 6:27)?

И дело далеко не в том, что многие политические авантюристы прикрываются именем Христа и их злодеяния не имеют равным счетом никакого отношения к Небесной Церкви, а дело в позиции земных церквей и конфессий и их взаимоотношении с Истиной, единой у всего мира и даже у всего того, что лежит за пределами сего мира.

4

Устройство мира, его законы, безусловно, едины не только на всем земном шаре, но и далеко за его пределами. Абсурдно и думать, например, что христианин живет на земле один-единственный раз, индус проживает множество жизней, перерождаясь в человека, животных, растения и т. д., в то время как буддист, проживая многие жизни, может воплощаться между прочим и в богов.

Даже внутри направлений и течений, именующих себя христианскими, существует обилие взглядов и верований, а подчас и суеверий, имеющих часто принципиально несовместимые различия. Мы уже не говорим о различиях между мормонами и скопцами, но даже в близких конфессиях — католики, некоторые по крайней мере, попадают в чистилище, в то время как отягощенный теми же беззакониями грешник православного вероисповедания или монофизит* не сможет получить подобного удовольствия.

Конечно же, справедливы слова Иисуса: «По вере вашей да будет вам» (Мф 9:29), но это совершенно не означает, что Бог христиан, иудеев, индусов или даже буддистов различен. Бог, если, конечно, Он действительно Верховное Божество, не может быть у иудеев одним, у христиан другим, у мусульман или индусов третьим и, наконец, у буддистов отсутствовать вообще. Как говорит об этом Апостол Павел: «Неужели Бог [есть Бог] Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников, потому что один Бог» (Рим 3:29–30). И точно так же, как есть только один Бог, не может быть и двух Истин.

Правильное понимание вышеприведенного Иисусова высказывания допускает и ту идею, что человек сам себе создает бога или, вернее, идола, о чем мы, конечно, будем говорить в дальнейшем. Но в ходе боготворчества люди договорились до того, чтобы создать религии, в которых зло преподносится как добро и уже тем не только ненаказуемо и оправдано, но даже заслуживает всяческого возвеличивания, а добро представляется жестоко преследуемым злом или уж, в лучшем случае, никому не нужным слюнтяйством и слабостью. Иными словами, такие религии, отрицая себя как религии и вообще отрицая религию как таковую, обладают тем не менее всей религиозной атрибутикой, ставят все с ног на голову, объявляют белое черным, а черное белым и фанатично верят в это. В конце концов, атеизм есть не что иное, как религия, требующая особого фанатизма.

Несмотря на то что с точки зрения представителей некоторых религий Бога нет, Он тем не менее всегда оставался Единым Богом. И нам, хотим мы этого или не хотим, придется отдать себе отчет, что структура и законы космоса едины вне зависимости от географического положения созерцателя, его национальности, вероисповедания и политических амбиций. Точно так же все объединены в цели и смысле жизни.

Работа, которую держит в руках читатель, как раз и ставит одной из своих задач показать этот тезис с позиций библейских — в первую очередь с позиций Нового Завета. Целью ее является попытка предложить читателю сделать шаг в сторону отказа от человекотворных догм — шаг к Божественной Истине.

В качестве иллюстрации этого взгляда мы можем рассказать читателю следующую притчу. Пусть истина представляется сферой. Сферу эту, то ли по ее количественным, то ли по качественным характеристикам и свойствам, невозможно охватить разумом, познать всю. Но сие вовсе не означает, что следует полностью отказаться от таких попыток. И вот каждый создает для себя свое собственное представление об этой сфере. Кто-то в качестве отображения истины постигает узкую полоску, проходящую по экватору этой сферы. Другой постигает параллельную экватору полоску, лежащую на полдороги к одному из полюсов. Третий представляет

себе истину в качестве меридиана, в то время как четвертый абсолютной истиной считает полюса нашей сферы. Хорошо еще, если каждый находится в рамках своей зоны, не пытаясь ни достроить ее до всей истины, пользуясь своей областью, как фундаментом, ни оспорить право соседа на пересекающиеся общие точки.

Такая идиллия длится недолго, ибо каждый из наших персонажей все-таки начинает фантазировать или, говоря иначе, домысливать, создавать *домыслы* на тему того, что же представляет собой истина целиком — та, что лежит за пределами его зоны. И вот обладатель экватора экстраполирует свою зону и получает цилиндр, второй превращает принадлежащую ему параллель, лежащую между экватором и полюсом, в конус, в то время как обладателю полюсов не остается ничего другого, кроме как провести через полюса ось сферы. Конечно же, если бы владелец меридиана проявил достаточно мудрости и гибкости, чтобы признать и ось как существенный элемент сферы, то вместе с ее обладателем они могли бы напрячься немного и получить вращением меридиана вокруг оси именно сферу. Однако столь «еретическая» мысль не может даже прийти ему в голову, ибо он и предположить не может, что истина хоть в какой-то степени может принадлежать кому-нибудь другому. Каждый из наших героев начинает «верить», что полученная при помощи измышленной им операции фигура и есть вся истина, и далее начинаются взаимные обвинения в искажении оной другим.

Насколько похожа изображенная нами картина на положение дел с религиями мира, призванными описать то, что невидимо, недоступно восприятию пяти чувств! Меж тем истина независимо от религиозной принадлежности интерпретатора все время оставалась той же самой сферой, и никакие крестовые походы, священные войны и охота на ведьм не могли ни сплюснуть, ни растянуть, ни сделать хоть малейшую щербинку на этой сфере. Чуть перефразировав Климента* Александрийского, скажем: Истина едина, ложные же отклонения от нее бесчисленны. Религии мира, христианские и языческие, делят истину на части, каждая хватаясь своей частью, как будто владеет целым (ср. Strom I.57:1)...

Кто-то может возразить, что Истина — это не какая-то система знаний, но это то, что Бог открывает о Себе и о Своем Царстве, а потому невозможно эту Истину узнавать по частям, ибо даже малейшая неточность, недостаток, искажающие Истину, будут превращать Истину в ложь. Нельзя не согласиться, что неполная истина уже не является Истиной, но это не означает, что следует полностью отказаться от познания как от пути эволюции сознания. Более того, познание есть средство обретения свободы: «*Познаете* истину, и истина сделает вас свободными» (Ин 8:32).

Ведь открытие такого факта, что Земля — шар, открытие гелиоцентрической системы, законов соотношения материи и энергии, равно как и другие открытия, могут трактоваться лишь как часть истины, однако отвержение этих фактов — глупость, хотя, как ни странно, таких людей еще хватает. Конечно же, голое знание того, что Земля — шар, вращающийся в числе других вокруг Солнца, не приближает человека ни на йоту ко спасению души и не содержит никакой духовности, но многие ли в свете такого знания задумывались над библейскими чудесами, подобными остановке на небе Солнца и Луны (ср. Нав 10:12–14)?

Скажет ли кто-нибудь, что человек уже более не обретет новых знаний, которые заставят переосмыслить истинность понимания и чего-либо иного в Священном Писании, как это случилось однажды с открытием Николая Коперника? Скажет ли кто-то, что современное богословие с распростертыми объятиями примет знание, заставляющее признать в ошибочности своих догматов*? Увы, но с гораздо большей легкостью традиционное богословие объявит такое знание — знание, нарушающее канонические представления об истине, бесовским, и история Джордано Бруно и Галилео Галилея повторится. Конечно, без суда священной инквизиции, но даже если и с таковым, то никакой суд не сможет изменить Единой Истины.

Читатель, понявший предложенную нами модель истины, ни в коей мере не должен думать, что целью данной книги является попытка экуменизации, растворения христианства в среде других мировых религий. Мы не ищем ни некоего среднего пути между всеми религиями посредством взаимных компромиссов, ни синтеза религий на базе неких обязательно существующих общих точек — подобных книг написано предостаточно. Мы же хотим своей работой показать, что, вопреки мнению некоторых, вся истина вмещается в библейские повествования без нужды в тибетских и других иностранных терминах, кажущихся многим чуждыми христианству. Мы попытаемся доказать, что целостная картина мира может быть дана и без таких слов, как «сансара», «карма», «инкарнация», «астрал», «ментал» и т. д., ибо все эти понятия или даже их более точные соответствия мы найдем в Священном Писании христианства. И наша задача приблизить понятия современного христианства к Единой Истине. Что же касается религий и философских школ, из словарей которых эти термины заимствованы религиозными эклектиками, то мы, не беря на себя задачи приближения к истине их, будем тем не менее рады, если это произойдет помимо нашей воли в сознании хотя бы одного из приверженцев сих учений.

А такое тем более может случиться, что сторонником какой бы религии ни был нехристианский читатель, он сможет узнать в нашей работе черты истины, преподносимые лишь исповедываемым им учением, религией. Мы не можем обращать внимание на примеры подобного рода и на параллельные другим учениям места, ибо не изучали сих учений, и то, к чему мы придем, основывается лишь на Священном Писании христианства и ни в чем ему не противоречит. И какие бы черты ни хотел кто увидеть в нашей работе, подвергая ее негативной критике, сие не есть то или это, похожее на слова от людей изученной мудрости. Мы же не проповедуем иного, «кроме Иисуса Христа, *и при том распятого*» (1 Кор 2:2; ср. 1:23).

5

Пытаясь построить модель истины, мы должны указать и на то, что Истина едина не только внешне, но и внутренне. То есть как не может быть двух истин, так у Единой Истины не может быть и противоречивых частей. А могут ли вообще быть *части* у того, что едино, — у Истины?

Человек тем не менее живет в мире, в котором истина отражена с видимыми, «очевидными», противоречиями, однако при движении от плотского к духовному, от дольного к горнему, противоречия эти постепенно исчезают, уступая место целостности, до тех пор пока на самом верхнем уровне не оказывается Один Бог.

Как писал Петр Яковлевич Чаадаев* (1794–1856): «Правы те, кто в умозрении опираются на закон противоречий: это без сомнения величайший закон, но по отношению к Богу он не более применим, чем любой другой закон, созданный ограниченным разумом человека; сущность Бога в том и состоит, что в Его всемогуществе исчезает всякое противоречие, и невозможное нам — возможно Ему» (Отрывки и разные мысли, 45-а).

Излишне отмечать, что путь восхождения от ограниченной противоречиями плоти к Всемогущему Богу требует многих усилий от человека. Между тем: «Удивительно, как ленив человеческий разум. Чтобы избавиться от напряжения, которого требует ясное разумение высшего мира, он искажает этот мир, он самого себя искажает и шествует затем своим путем как ни в чем не бывало» (Чаадаев. Философические письма, IV). Иными словами, человек пытается домыслить истину, делая это несовершенно. По мере подъема от брэнного мира к Богу его построение требует все более и более сложных конструкций, дабы, будучи отраженными так, как представляет себе сам человек, они дали в итоге картину, привычную для него же. И все получается почти по известной пословице: «Дурная голова ногам покоя не дает».

Дабы читатель лучше понял последнюю нашу мысль, мы можем привести пример о расчете движения планет на небосклоне. Простейшей для современного астронома является методика, основывающаяся на гелиоцентрических представлениях Николая Коперника, чьи формулы сравнительно просты. Однако до него европейская астрономия пользовалась геоцентрической системой Птолемея, подразумевавшей учет бесконечных циклов, эпициклов и деферентов в траекториях планет. Ныне каждый школьник знает, что в действительности планеты не совершают столь замысловатых маневров. Такое искусственное построение понадобилось, дабы объяснить видимую сложность движения планет, исходя из ложного представления о неподвижности Земли, расположенной якобы в центре Вселенной. Но в гелиоцентрической системе видимая сложность проявления объясняется весьма простыми посылками.

Мы сочли необходимым сделать замечание о целостности истины потому, что в известных кругах господствует идея об *антистетичности* и *антиномичности* истины. Антиномия есть противоречие между одним тезисом и другим, противоположным, который является антитезисом; антиномия — также противоречие между двумя утверждениями, полученными в результате кажущихся правильными рассуждений или находящимися в согласии со считающимися заслуживающими доверия источниками. В нашем случае это означает, что истина провозглашается внутренне противоречивой. Сие отражается в церковных формулах, подобных таким: «Происхождение Сына от Отца ни свободно [*тезис*], ни вынуждено [*антитезис*]». Или еще: «Лица Троицы существуют нераздельно [*тезис*] и неслиянно [*антитезис*]». Такие формулировки весьма типичны, и нам не следует удивляться, когда мы читаем следующее богословское утверждение, принадлежащее популярному ныне богослову начала века Павлу Флоренскому (1882–1937): «Для рассудка истина есть противоречие, и это противоречие делается явным, лишь только истина получает словесную формулировку. Иными словами, истина есть антиномия и не может не быть таковой. Чем ближе к Богу, тем отчетливее противоречия» (Столп и утверждение истины).

Действительно, из Священного Писания можно привести множество примеров, которые производят впечатление свидетельствующих о противоречивости истины. Однако такая иллюзия возникает из-за того, что истине приписывается несвойственная ей атрибутика, вызывающая к жизни несуществующие посылки. А между тем общеизвестно, что, отталкиваясь от истинных положений, можно сделать как верные, так, конечно, и ошибочные выводы. Но нельзя, исходя из ложных посылок, прийти к истине; безнадежно, основываясь на ложном, искать верное решение.

Говоря о том же иными словами, мы можем рассмотреть сказанное на примере мудрости. Мы можем сколь угодно презирать мудрость, не задумываясь над смыслом того, что сказано, например, у Екклесиаста: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познание — умножает скорбь» (Ек 1:18); «Сказал я в сердце моем: и меня постигнет та же судьба, что и глупого: к чему же я сделался мудрым? И сказал я в сердце моем, что и это суета» (Ек 2:15). Но у того же Екклесиаста можно встретить и фрагменты, прославляющие мудрость: «Мудрость делает мудрого сильнее десяти властителей, которые в городе» (Ек 7:19); «Мудрость лучше воинских орудий» (Ек 9:18).

Не антиномия ли это? Не явное ли это противоречие? В каком-то смысле да, но это противоречие иллюзорно, ибо мудрость может привести как к истине, так и к ошибкам, тогда как никому, мы надеемся, не надо объяснять, куда неизменно приводит глупость. А бессмыслица и абсурд никогда не были синонимами парадокса. Парадокс же, напомним, есть такое высказывание, которое кажется внутренне противоречивым или противоречащим здравому смыслу, хотя на самом деле выражает возможную истину. Так что нет никакого противоречия в том, что путь к древу жизни проходит мимо древа познания добра и зла.

На самом деле противоречива вовсе не истина, а человек, пытающийся истину отразить и преломить. Но можно ли увидеть целостную картину в зеркале, составленном из осколков,

которые к тому же наклеены внутрь чаши? Можно ли смотреть на мир сквозь даже самый чистый, но огранный бриллиант? А ведь человека никак нельзя уподобить бриллианту, но скорее мутному кристаллу поваренной соли. Весьма уместной здесь будет еще одна мысль Петра Яковлевича: «Что нужно для того, чтобы ясно видеть? Не смотреть сквозь себя самого» (Чаадаев*. Отрывки и разные мысли, 60).

В познании истины человек сам является тем инструментом, при помощи которого он и познает истину. Если инструмент испорчен — человек разделен, то об истинном восприятии не может быть и речи. Единственный путь к истине — починка прибора — устранение внутренней разделенности человека.

В сих рассуждениях нам никак не уйти и от иной постановки вопроса. В одной из книг по раннему христианству нам бросилась в глаза фраза о том, что некоему богослову (речь идет об Игнатии Антиохийском, но в нашей настоящей теме сие не так важно) удалось «синтезировать учение Апостола Павла с богословскими воззрениями Апостола Иоанна». Но ведь в синтезе может нуждаться и к нему может быть способно лишь то, что изначально *не* составляет единого целого. То есть автор тех строк сам о себе нечаянно засвидетельствовал, что не считает Христово учение целостной истиной, ибо внутри нее суть части, которые можно синтезировать или оставить разрозненными в зависимости от индивидуальных способностей того или иного истолкователя. Что можно сказать на сие? Апостол Павел, предвидя такое положение вещей, писал, как для нашего времени: «У вас говорят: „я Павлов“; „я Аполлосов“; „я Кифин“; „а я Христов“. *Разве разделился Христос?*» (1 Кор 1:12–13).

Все вышесказанное мы привели для того, чтобы дать читателю понять, что наши рассуждения устраняют классический набор кажущихся противоречий христианства: антиномичность греховности человека и его потенциального богосовершенства; антиномичность доктрин о возможности спасения делами и благодатью по вере и так далее.

6

Какими еще притчами следует нам предварить наше повествование? С чем еще сравнить Истину, чему ее уподобить? Истина подобна древней нерукотворной святыне, чудесным образом доставшейся людям, которые, к сожалению, не сразу способны понять значение и цели своего обретения, почему и не хранят его с должным тщанием. Со временем, измеряющимся веками, они таки осознают ничем не заменимую важность того, чем обладают. Увы, но к тому моменту уже несколько поблекли краски, местами к тому же облупившиеся, разохся и треснул материал основы. Тут обязательно появляются доброхоты, желающие отреставрировать святыню, восстановить утерянное. Облупившиеся места замазываются свежими — уже рукотворенными красками, лаком придается блеск потускневшим местам. Но при сем святыне, пусть и в малой мере, но придается вид, соответствующий представлениям реставраторов. В дальнейшем сей круг повторяется, и со временем уже трудно сказать, от чего наша святыня страдает более — от неумолимо ли действующего в веках времени или же от излишнего усердия ее попечителей.

Сперва медленно, затем все быстрее и быстрее святыня теряет черты нерукотворности, ибо становится покрытой уже несколькими слоями красок, и каждый последующий реставратор пытается восстановить лишь труд своего предшественника. А далее происходит и вовсе ужасная вещь — в какой-то момент оказывается, что наша святыня уже давно перестала быть святыней и превратилась в изображение то ли золотого тельца, пытающегося выдать себя за посредника между человеком и Богом, то ли зверя, стремящегося Самого Бога заменить.

Что же делать нам, когда мы приходим к столь печальному концу? Единственная возможность — удаление всех напластований вне зависимости от авторитета имен реставраторов до

тех пор, пока мы не увидим пусть даже и большей частью утраченный первоначальный слой, увидим истинное изображение, настоящие краски.

Быть может, и даже наверняка, такая притча нехороша, и по прочтении всей нашей книги читатель вернется к ней, чтобы раскритиковать ее основные символы. Во всяком случае, уже сейчас ясно, что наша притча рассказывает не о самой истине, а о ее представлении в сознании человека или о традиции, о предании. Истина же всегда оставалась Единой Истиной. Как написано (2 Езд 4:35–40):

Истина велика и сильнее всего. Вся земля взывает к истине, и небо благословляет ее, и все дела трясутся и трепещут пред нею. И нет в ней неправды. Неправедно вино, неправеден царь, неправедны женщины, несправедливы все сыны человеческие, и все дела их таковы, и нет в них истины, и они погибнут в неправде своей; а истина пребывает и остается сильною в век, и живет и владычествует в век века. И нет у ней лицеприятия и различения, но делает она справедливое, удаляясь от всего несправедливого и злого; и все одобряют дела ее. И нет в суде ее ничего неправого; она есть сила, и царство, и власть, и величие всех веков: благословен Бог истины!

7

Принятие наших притчей об истине поможет пониманию того, что при обдумывании последовательности нашего повествования мы стояли перед несколькими альтернативами. Так, например, мы могли с самого начала «разбрасывать камни» и «уклоняться от объятий» (Ек 3:5), подразумевая под сим отмежевание от тех или иных взглядов или учений, от которых нам придется-таки в конце концов отмежеваться.

Другая возможность, представлявшаяся нам сильным искушением, заключалась в попытке, наоборот, как можно дольше пребывать в чьих-либо объятиях — будь то традиционное христианство или же то, что современный мир называет теософией. Мы, однако, нашли силы избежать такого рода искушения, пойдя по третьему пути, не связанному с конкретными конфессиональными симпатиями или антипатиями. Этот путь заключен в стремлении к возможно большей систематичности изложения материала. Хотя, как увидит читатель, нам не удастся построить повествование с абсолютной логичностью — так, чтобы, с одной стороны, исключить повторы, заставляющие читателя в той или иной мере возвращаться назад для определенного переосмысления уже прочитанного, а с другой стороны, избежать непоследовательностей, связанных с забеганием вперед. Заранее просим читателя простить нам такое несовершенство.

Упомянув теософию, мы хотели бы сразу оговориться, что, хотя некоторые части нашей книги и выглядят теософично, мы бы не хотели, чтобы читатель отнес нас к последователям мадам Блаватской¹. И точно так же нужно предостеречь, что хотя некоторые вещи в нашей работе могут показаться ортодоксальными*, ее нельзя отнести к традиционному христианству. При этом мы отдельно отметим, что на самом деле, в *истинном* понимании, теософия православна, а православие теософично. Позже у нас будет возможность показать, что и православие, и теософия к тому же католичны. Однако только тогда, когда они предстают в *истинном* виде. И мы хотели бы видеть их не противопоставленными друг другу, но едиными. И, уж конечно,

¹ Имена такого типа независимо от национального происхождения (напр., польские) пишутся по-русски через «ц», например Багрицкий, Конопницкая, Корецкий, Потоцкий, Троицкий, Хмельницкий. Написание Блаватская свидетельствует о невнимательности переводчиков. Это все равно, что писать Смирнофф вместо Смирнов или Оуспенский вместо Успенский.

нет никакого принципиального противоречия между *истинными* смыслами христианства и иудаизма. «Говорю так не потому, что я уже достиг и усовершеншился; но стремлюсь, не достигну ли и я, как достиг меня Иисус Христос» (Фил 3:12) — так мы скажем вслед за Павлом. Тем же, чей патриотизм окажется возмущен нашим последним заявлением, предложим поразмыслить над вопросом о религиозной принадлежности Иисуса из Назарета.

8

У каждого, кто пишет книгу, есть определенный образ того читателя, для которого книга пишется. Наша работа, с одной стороны, предполагает определенную гибкость восприятия, отсутствие стесненности привычными догмами и уж во всяком случае отсутствие фанатизма, а с другой стороны, она требует возможно более совершенного знакомства с текстами Священного Писания. Нравится нам это или нет, но нам приходится признать, что такое сочетание не является всеобщим. Имея это в виду, нам, безусловно, не приходится рассчитывать на чрезмерно широкую аудиторию. Но сие нас не огорчает, ибо и без того дурной признак, если учение доступно всему миру и всем миром воспринято и ведет за собой многочисленные толпы, — «Они от мира, потому и говорят по-мирски, и мир слушает их» (1 Ин 4:5), — а толпа, составляющая большую часть мира, не может быть «не от мира сего» (Ин 17:14).

Знакомство с текстами Священного Писания предполагается со стороны читателя еще и в той степени, что у него должны были появиться вопросы, касающиеся неясностей в понимании Писания. И поскольку наша работа ставит задачу на многие вопросы ответить, мы хотели бы сказать, что попытка дать читателю ответ на вопрос, который не возник в его голове по причине незнания Библии, едва ли менее скучное занятие, чем разъяснение смысла еще нерассказанного анекдота.

Необходимо предупредить, что все, сказанное нами в этой книге, вряд ли окажет какое-либо воздействие или произведет впечатление на твердолобого атеиста, которому все приводимые нами выше и ниже рассуждения о Боге, Истине, Учителе, равно как все ветхие и новые, канонические и апокрифические*, признанные и отстраненные, экзотерические* и эзотерические* священные книги всех религий и народов, кажутся столь же ненужным, сколь и лишенным всякого смысла хламом.

Нетрудно представить себе и такого читателя, который, давно являясь убежденным христианином, считает, что в Библии все ясно, и который *не хочет* видеть в ней никаких противоречий. Примитивизация целей Священного Писания в среде верующих подобного рода может достигать такой степени, что весь Ветхий Завет рассматривается ими лишь как перечень обетований прихода Христа, а Новый Завет — в качестве доказательства положения о том, что Иисус Назорей есть Христос, Сын Божий. В этой связи мы хотели бы предостеречь читателя подобного рода, уже обладающего всеобъемлющим «знанием истины», от бесполезной для него траты времени, ибо адресована наша книга людям не столь уверенным в своей правоте, сколь ищущим истину. И тут мы смеем надеяться, что знакомство с нашей работой заставит одного читателя взять в руки Библию первый раз, а иного разочарованного в христианстве читателя отложить свое решение о переходе в кришнаиты или в буддизм.

Что же до читателя, считающего себя твердо верующим, справедливость требует отметить, что и многие убежденные христиане недостаточно знакомы с текстами Священного Писания. В среде таких христиан, к сожалению, прослеживается закономерность, заключающаяся в том, что чем более убежденным мнит себя такой верующий, тем менее необходимым для себя считает он изучать Библию (мы не имеем в виду чтение Библии на ночь), считая, что чтение Писания нужно лишь для вразумления маловерующих. Не в первую ли очередь к этим псевдохристианам обращаясь, Апостол Павел говорил: «К стыду вашему скажу, *некоторые из вас не*

знают Бога» (1 Кор 15:34)? Что ж, мы будем рады, если и такой верующий откроет Библию, хотя бы с целью обличить нас.

В этой связи надо сказать, что было бы наивно пытаться повлиять в наших рассуждениях на мнение христианского ортодокса* приведением цитат из книг, не пользующихся авторитетом церкви. Это не тот случай, когда применим закон перехода количества в качество. Поэтому в стремлении заставить читателя задуматься над смыслом Священного Писания мы считаем единственно возможным пользоваться лишь теми источниками, которые церковь считает богодухновенными.

Однако здесь мы должны сделать важную оговорку.

Только что мы несколько негативно высказались о некоторых представителях православия и католицизма, однако и протестантам нечем гордиться. Проблема заключается в богодухновенности библейских текстов. Мы говорим об одиннадцати книгах Ветхого Завета — Книге Премудрости Соломона, Иисуса сына Сирахова, о Второй и Третьей книгах Ездры и о других. Отношение к ним различных направлений христианства неоднозначно. Католицизм считает эти тексты богодухновенными, но несколько менее ценными, как бы второстепенными, «второканоническими»; православие, хотя и не считает их каноническими, включает их в Библию как душеполезные.

Что же касается протестантизма, то он и вовсе отвергает эти книги, давая им наименование «Псевдоэпиграфы»* и «Апокрифы»*. Причем главным доводом в обосновании сего шага является тот факт, что они не сохранились в древнееврейском оригинале и приводятся по греческому переводу. Это обоснование казалось бы нам смешным, если бы не было столь грустным. Во всяком случае, оно малопонятно, ибо тут напрашивается вопрос: не стоит ли отвергнуть тогда и Евангелие от Матфея, а вместе с ним весь Новый Завет?

Ведь оригиналы новозаветных текстов, как и книгу Иисуса сына Сирахова, написанную как комментарий или дополнение к греческому переводу еврейской Библии, Септуагинты*, мы имеем только на греческом языке. Но для Матфеева Евангелия греческий текст не является оригиналом. Кроме того, очевидно, что Иисус проповедовал далеко не только и не столько по-гречески. Доказано, что многие речения Иисуса сказаны по-арамейски или по-сирийски, ибо в переводе на эти языки они обращаются в рифмованные стихи. И все же мы почитаем написанные по-гречески Евангелия, не имея их сирийских и арамейских подлинников. Одним словом, обоснование, ссылающееся на язык оригинала, оказывается несостоятельным.

Мир протестантизма накопил тонны модных и вышедших из моды книг о христианстве. Мы не собираемся перечислять их авторов. Мы только хотели бы спросить: Вы действительно думаете, что вся эта писанина более душеполезна, нежели одна-единственная строка из Септуагинты?

Иные протестанты утверждают, что так называемые ими «псевдоэпиграфы»* Ветхого Завета содержат сомнительные высказывания. Они *абсолютно* правы — нам нечего возражать на это. Если только мы заметим, что и признанные книги Писания содержат более чем достаточно странных и труднопонимаемых фрагментов. Именно они будут объектом нашего исследования.

Что до нас, то мы же опираемся на мнение, что «*Все Писание богодухновенно и полезно для научения*» (2 Тим 3:16). Что же, если не Септуагинту, греческий вариант Ветхого Завета, имел в виду Павел, сам писавший свои послания по-гречески? Но ведь в Септуагинту входят и книга Иисуса Сирахова, и Премудрость Соломона. Поэтому-то мы будем опираться на все пятьдесят ветхозаветных книг, не отсеивая ни одну как второсортную.

В связи же с использованием канонических текстов мы не можем не заметить, что ныне существующий Синодальный перевод в некоторых местах не совсем точен, а в некоторых —

совсем неточен. Связано это с тем, что последний является плодом творчества излишне большого числа переводчиков. В этой связи нужно сказать, что современный русский Синодальный перевод, которым мы и пользуемся, в некоторых фрагментах оставляет нас в полном недоумении по поводу своего происхождения. Поэтому в известных случаях параллельно с фрагментами Синодального перевода мы считаем необходимым привести также вариант перевода с языка оригинала.

Особого замечания требуют слова, введенные в текст Священного Писания для «связности повествования» (будто библейские повествования бессвязны) и «ясности речи», и тут вопрос стоит уже не о точности перевода, но часто о вмешательстве переводчиков в истолковываемость тех или иных фрагментов. Мы будем обращать внимание читателя на такие места, но не всегда. Так, например, упоминаемые Апостолом Павлом «незнакомые» языки в этой книге без дополнительных оговорок заменены нами на «тайные». В любом случае мы будем стремиться выделить (квадратными) скобками то, что так или иначе отсутствует в оригинальном тексте.

Мы считаем нужным заметить, что, помимо Синодального перевода, которым мы будем пользоваться, с печальной быстротой появляются все новые и новые переводы Священного Писания или его отдельных частей на русский язык, претендующие на лучшее по сравнению с Синодальным качество. Все это происходит на фоне имеющих место, в особенности на Западе, *серьезных* дебатов о принципах перевода: должен ли он быть буквальным, «слово в слово», или же литературным, смысловым, что называется «мысль в мысль». Однако читатель наш, надеемся, понимает, что так называемый «смысловой» перевод возможен в одном-единственном случае — когда переводчик *в совершенстве* понимает *смысл*, выраженный в божественных словах. Если же переводчик не вполне понимает смысл исходного текста, то не приходится удивляться, если его перевод оказывается действительно *бессвязен* и, как следствие, требует дополнительных комментариев для «связности повествования». В худшем же случае перевод может оказаться и вовсе грубым искажением Слова Божия, это будет перевод, если можно так сказать, «заблуждение в соблазн», где заблуждение переводчика обращается в соблазн читающего. Правда, Синодальный перевод не всегда легок для чтения, но это вовсе не означает, что нам позволено читать о тайнах Царствия Божия на выхолощенном газетном языке. К тому же если читатель слишком ленив или неспособен разобраться в вещах, изложенных пусть на несколько архаичном, но все же обычном родном языке, то как же он сможете разобраться в вещах необычных?

Как бы то ни было, нам не к лицу жаловаться на несовершенство Синодального перевода и вообще на ошибки в переводах, ибо все переводы имеют нечто общее с прогнозом погоды — от самого лучшего из них нельзя ожидать совершенства, но лучше хоть какой-то, нежели никакого. И у читателя Библии есть три пути: либо выбрать какой-то один перевод и пользоваться им, веря в его истинность (что в случае сакрального текста будет разновидностью фанатизма); либо выучить языки, на которых написаны священные тексты вплоть до степени мышления на этих языках (что в случае греческого языка почти совершенно невозможно, а в случае иврита сомнительно); либо обрести «дух премудрости и разума» (Ис 11:2). Последний путь настолько более грандиозен (и более легок), что мы не видим необходимости объяснять почему.

Наконец, перед нами еще раз встает вопрос об использовании апокрифических текстов. Только на этот раз вопрос стоит об апокрифах* времен Нового Завета. Даже при самом строжайшем подходе нельзя не признать наличия в них, как минимум, определенной мудрости, так что мы позволим себе использовать их в качестве иллюстративного материала, не призванного укрепить обоснованность защищаемых нами положений. Эти фрагменты выделены нами так, что читатель, не желающий иметь с апокрифами ничего общего, может без труда пропускать их, от чего целостность нашего повествования нисколько не пострадает. Отметим, однако, что вкраплены они в повествование не напрасно.

9

В нашей работе читатель встретит очень большое количество цитат, и мы сочли нужным сделать замечание о целях и смысле цитирования. Надо понимать, что даже библейская цитата сама по себе не является доказательством. И мы считаем возможным повторять фрагменты из других книг только в трех случаях.

Во-первых, конечно, на цитату можно опереться, если она заимствована из источника, представляющего собой неоспоримый авторитет, как, например, Библия. На что же еще опереться и на какую другую книгу сослаться при рассуждениях о Боге, ведь Слово Божие — непререкаемый авторитет для любого христианина. Здесь, однако, мы встречаемся аж с двумя трудностями, не считая возможные неточности перевода. Первая трудность заключается в том, что не все слова, составляющие Священное Писание, вышли из уст Божиих. Там есть и слова, сказанные нечестивцами, беззаконниками и всяческими проходимцами, и требуется быть внимательным, дабы не смешать все в одну кучу. Примером такого рода служит книга Иова, где собеседники главного персонажа высказывают мнения о Боге, кажущиеся при поверхностном взгляде правильными, но неизменно обличаемыми из уст Божиих.

Другая трудность заключается в том, что в слова, сказанные даже Всевышним, разные люди вкладывают разный смысл, а есть и такие, когда говорить о смысле неуместно. Вопрос тем самым превращается в проблему индивидуального понимания или толкования независимо от того, какой смысл тот или иной Пророк или Евангелист вкладывал в него. Как бы то ни было, на данном этапе нашего повествования анализ последней трудности не представляется возможным.

С известными оговорками мы можем рассматривать и книги по истории церкви как авторитетный источник. Не время приводить примеры и объяснять сейчас же, что мы имеем в виду, говоря об известных оговорках. Упомянем лишь принцип избыточности: грубо говоря, если даже, скажем, Евсевий Кесарийский говорит о чем-то большем, то нам и подавно позволено говорить о меньшем, ссылаясь на него.

Во-вторых, цитату допустимо заимствовать и из источника, чей авторитет не общепринят. Смысл цитирования в таком случае заключается в следующем. Уже после того как мы доказали что-то или убедили, как нам кажется, в чем-то читателя, оказывается, что тот или иной человек сформулировал ту же самую идею много лаконичней, более емко, — гениально наконец. Например, мы не считаем возможным почитать Блаженного Августина¹ за непререкаемый авторитет, но никто и никогда не смог вложить столько смысла о любви, запретительном законе и воле человека в пять слов: «Люби и делай что хочешь».

Между прочим, иудаистская традиция допускает не выделять как заимствованную идею, если автор полностью ее разделяет. Такое обращение с «первоисточниками» является всеобщим явлением для Библии, включая Новый Завет. Совсем другое дело, если автор желает опровергнуть или высмеять чье-то целиком ложное или обсудить и исправить чье-то лишь отчасти ошибочное мнение. В таком-то случае допускается третий вид цитирования.

Лишь три перечисленных случая оправдывают цитирование. Иначе нам придется принять определение цитаты Амброза Бирса как неуместное повторение чужих слов, часто ложно понятых и искаженных. Именно к такому виду можно отнести цитирование, имеющее целью польстить слуху читателя (ср. 2 Тим 4:3) или заменить доказательство и убедительность ссылкой на «авторитет».

¹ Мы пользуемся православной терминологией, ибо католицизм почитает Августина за святого, тогда как лютеранство считает его учителем.

10

Библейская мудрость гласит: «Обличай мудрого, и он возлюбит тебя; дай мудрому, и он будет еще мудрее; научи правдивого, и он приумножит знание» (Прит 9:8–9); «Лучше слушать обличения от мудрого, нежели слушать песни глупых» (Ек 7:5). Посему мы и сами не почитаем хищением обличать и жаждем обличений в свой адрес. Вслед за одним из самых значительных греческих апологетов II века Иустином* Мучеником мы можем сказать (Апологии I.1–3):

Мы обратились к вам не с тем, чтобы льстить¹ вам этою запискою или говорить в удовольствие ваше, но требовать, чтобы вы судили нас по строгом и тщательном исследовании, а не руководствовались предубеждением² или угодливостью людям суеверным, не увлекались неразумным порывом или давнею, утвердившеюся в вас худою молвою; чрез это *вы произнесли бы только приговор против себя самих*. Что же касается до нас, — мы убеждены, что ни от кого не можем потерпеть вреда, если не обличат нас в худом деле и не докажут, что мы негодные люди: вы можете умерщвить нас, но вреда сделать не можете... Если же никто ни в чем обличить не может, то здравый разум не велит по одной худой молве оскорблять людей невинных, или лучше — самих себя, когда думаете вести дела не по рассуждению, а по страсти. Всякий здравомыслящий скажет, что наилучшее и единственное условие справедливости состоит в том, чтобы подчиненные представляли неукоризненный отчет в своей жизни и учении, а начальствующие, с другой стороны, давали приговор не по насилию и самовластию, но руководствуясь благочестием и мудростию.

Иисус формулировал ту же мысль короче: «Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?» (Ин 18:23). Предвидя все же, что битья не избежать, можно привести другие слова: «не все вмещают слово сие, но кому дано» (Мф 19:11), ибо если даже Он не мог изъяснить Своего учения всем, то можем ли мы думать, что сие удастся нам лучше Него? А коли мы заработаем на свою голову проклятия, то, как сие написано у Иова: «Если я действительно погрешил, то погрешность моя при мне останется» (Иов 19:4), ибо мы не послушались мудрости царя Соломона: «Поучающий кошунника наживет себе бесславление, и обличающий нечестивого — пятно себе. Не обличай кошунника, чтобы он не возненавидел тебя» (Прит 9:7–8). Ибо «не любит распутный обличающих его, и к мудрым не пойдет» (Прит 15:12), «Кто ненавидит обличение, тот невежда» (Прит 12:1). «Мы даже не просим наказывать обвинителей, ибо для них достаточно наказания в их собственной неправде и неведении истины» (Иустин*. Апологии I.7).

¹ Это весьма важный момент, который отличает философа и мудреца от уличной гадалки. Как писал Климент* Александрийский в своих Строматах: «Письменное слово должно быть свободным от лести» (Strom I.6:1).

² Второй очень важный принцип: читателю предлагается судить самому, а не руководствоваться предубеждениями других людей. Все тот же Климент сказал об этом так: «Не подабае́т ни судить об истинности учения через сравнение его с другими, ни отдавать его для исследования тем, кто поднаторел в искусстве аргументации и всячески превозносит его силу. Такие к любому делу подходят, уже имея предубеждение обо всем на свете вместо того, чтобы очистить свою душу от предрассудков» (Там же I.8:1). Последнее будет необходимым условием: очистить свою душу от предрассудков.